

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

С. В. САННИКОВ

ОБРАЗЫ ОДОАКРА И ТЕОДОРИХА КАК ОСНОВАТЕЛЕЙ ГЕРМАНСКИХ КОРОЛЕВСТВ В ИТАЛИИ: АНАЛИЗ МИФОЛОГИЧЕСКИХ АРХЕТИПОВ (на материале «*Excerpta Valesiana*»)

Автор анализирует ключевые сюжеты второй части хроники «Анонима Валезия» с применением междисциплинарного подхода, в основу которого положена концепция архетипов К.Г. Юнга и теория мифа Дж. Кэмпбелла. В структуре образов Одоакра и Теодориха прослеживаются архетипы коллективного бессознательного, обозначаемые в аналитической психологии как архетипы Героя, Отца, Мудрого Старца, Тени.

Ключевые слова: королевская власть, раннее средневековье, архетип, мифология, образ власти, Аноним Валезия.

Большой интерес для изучения образов власти эпохи поздней античности и раннего средневековья представляет анонимная хроника VI в., которую принято обозначать по имени издателя как *Anonymus Valesianus* (Аноним Валезия) или *Excerpta Valesiana* (Извлечения Валезия)¹. События эпохи становления германских королевств в Италии освещаются во второй (последней) части хроники (*Pars posterior*), известной, с подачи Т. Моммзена, как *Chronica Theodericiana* (Хроника Теодориха).

Исследователи неоднократно обращались к изучению этого памятника и анализу представленных в нем образов власти, оценивая содержащиеся в нем свидетельства относительно их достоверности, полноты, возможности использования для уточнения датировки тех или иных событий, реконструкции социально-политических аспектов правления того или иного короля². Данный подход позволил исследователям сделать вывод о том, что многие эпизоды повествования носят вымышленный характер и свидетельствуют о «написании исторического романа»³.

Признавая правомерность такой оценки, можно предложить и иной подход к прочтению содержательной части рассматриваемого ис-

¹ *Excerpta Valesiana, pars posterior*. 1961. Русскоязычный перевод большей части источника: Аноним Валезия. Извлечения. 2000. С. 176–193.

² Подробная библиография содержится в работе: *Excerpta Valesiana*. 1961. Некоторые, наиболее значимые, работы более позднего периода: Adams. 1976; Barnish. 1983; Буданова. 1988; Goltz. 2008; Козлов. 2011.

³ Barnish. 1983. S. 592.

точника, а именно – анализ его сюжетной линии с точки зрения выявления мифологических мотивов, сюжетов и образов. Такого рода анализ может быть выполнен с позиций междисциплинарного методологического синтеза, с привлечением концепции архетипов К.Г. Юнга и теории мифа Дж. Кэмпбелла⁴.

Мифологические составляющие образов королевской власти в хронике Анонима Вalezия прослеживаются как в описании действий правителя, характера правления, событий его жизненного пути, так и в персональных качествах, приписываемых правителю автором. Примером импликации мифологической составляющей может служить описание встречи Одоакра со святым Северином, в ходе которой будущий король получает напутствие святого старца и предсказание о его великом будущем в Италии: «Одоакр, которого мы уже упоминали ранее, отстранил Августула от власти и был провозглашен королем. Он правил в течение тринадцати лет. Его отца звали Эдиком, и Одоакр также упомянут в книгах о житии святого Северина, монаха из Паннонии, который дал ему совет и предсказал обретение им королевской власти»⁵.

При описании деталей этого события автор обращается к сочинению Евгиппия, цитируя следующий фрагмент: «И с таким же благоговением предстали перед ним некие варвары, которые, идя в Италию, завернули к Северину, желая получить благословение. Среди них был и Одоакр, который позже правил в Италии, в то время юноша высокого роста, облаченный в самые жалкие шкуры. Он, дабы не задевать своей головой очень низкий потолок кельи, нагнулся и, стоя в дверях, спросил человека Божьего о своей судьбе. Ему, прощаясь, Северин сказал так: “Иди в Италию, иди! Ныне ты покрыт самыми жалкими шкурами, но вскоре будешь раздавать великие богатства”»⁶.

Эпизод имеет параллели с легендарным предсказанием Св. Бенедикта королю остготов Бадвиле (Тотиле): в обоих случаях провидец называет точный срок, отведенный правителю. Интересно, что арианские короли в этих эпизодах изображены как получающие напутствие ортодоксальных святителей. Встреча героя с мудрым старцем, предсказывающим ему великое будущее и королевскую власть является архетипическим сюжетом. Реконструируя сюжетную канву испытаний мифологического героя, Дж. Кэмпбелл отмечает: «первый, с кем им предстоит столкнуться в их героическом путешествии, представляет собой фигуру защитника (чаще

⁴ См. подробнее: Юнг. 2006; Кэмпбелл. 1997.

⁵ Excerpta Valesiana, pars posterior, 45.

⁶ Житие святого Северина. 1998. С. 228.

всего это древняя старуха или старик)»⁷. Мудрый старец выполняет функцию «инициирующего жреца», а сама встреча с ним носит характер инициации – посвящения героя и оказания ему сакральной поддержки перед началом его испытаний.

Следует также обратить внимание на содержательную часть предсказания Северина, обещающего юному Одоакру, что вскоре он будет «раздавать великие богатства». В варварском сознании эпохи Великого переселения народов богатство выходит за рамки реципрокных отношений и приобретает значение символическое, «когда обмен уже не оказывается чисто транзитивным, когда предмет (материал обмена) становится чем-то самодовлеющим»⁸. В данный период в романизированной германской среде распространяется демонстративное (престижное) потребление, которое выступает уже не просто в качестве «обобщенного индивидуального вознаграждения», а уже в качестве своего рода «социальной судьбы, которая с большей степени касается каких-то определенных групп или классов, затрагивает их, противопоставляя друг другу»⁹.

Вслед за прозвучавшим предсказанием Герой обретает королевскую власть: «В то время, которое слуга Божий предсказывал ему, как только Одоакр вошел в Италию, он получил королевскую власть (*regnum asserit*)»¹⁰. В данном фрагменте произведения Анонима Вalezия представляет интерес характеристика власти Одоакра, поскольку в историографии VI века сложилось две основные традиции интерпретации власти этого правителя – одна из них характеризует его власть как королевскую, другая же – как власть тирана и узурпатора.

Необходимо отметить, что на протяжении большей части периода своего правления Одоакр не давал формальных оснований для представления его в образе узурпатора, поскольку он не присваивал символы императорской власти, и всячески демонстрировал свое подчиненное положение по отношению к императору. Кризис легитимности Одоакра проявился в ходе противостояния с Теодорихом Амалом, когда король, стремясь сохранить власть, провозгласил своего сына цезарем. Образ Одоакра как узурпатора власти был акцентирован во времена правления Теодориха Амала в Италии, и получил дальнейшее развитие в контексте идеологической политики императора Юстиниана по восстановлению внутригосударственного единства.

⁷ Кэмпбелл. 1997. С. 76.

⁸ Бодрийяр. 2007. С. 71.

⁹ Там же. С. 15.

¹⁰ *Excerpta Valesiana, pars posterior*, 47.

Фигура короля Теодориха во второй части хроники Анонима Валеция занимает центральное место и получает значительно более детальное и разностороннее освещение, нежели фигура его предшественника. В образе короля получают отражение различные категории коллективного бессознательного, архетипы Героя, Отца, и Мудрого старца¹¹.

Формирование образа Героя начинается с описания обстоятельств провозглашения Теодориха королем, характеристики его личных качеств и происхождения из королевского рода: «Когда Теодорих вошел в Равенну и убил Одоакра, готы, не дожидаясь повеления нового императора, утвердили Теодориха своим королем, ведь он был воинственнейшим и отважным человеком, отцом которого был король готов по имени Валамир. Теодорих был его родной сын; его мать на языке готов звалась Эререлива, но в католической вере при крещении приняла имя Евсевии. Он был мужем выдающимся и благожелательным ко всем, и правил тридцать три года»¹².

В описании первых тридцати лет правления Теодориха в хронике доминирует мифологическая фигура защитника народа (архетип Отца), опекающего страну, обеспечивающего мир и процветание, подобно тому, как это происходит в описанном К.Г. Юнгом мифе о «Золотом веке»¹³: «В его время Италия в течение тридцати лет хранила благополучие, так что его преемники также имели мир. Ничего превратного он не совершал. Он одновременно правил двумя народами, римлянами и готами, таким образом, что хотя сам принадлежал к арианской секте, он, тем не менее, не совершал посягательств на католическую веру; он устраивал игры в цирке и амфитеатре, и даже римляне звали его Траян или Валентинианом, временам которых он стремился подражать; и готами, поскольку своим эдиктом он установил правосудие, он считался во всех отношениях сильнейшим королем. Военную службу для римлян он сохранил на том же основании, что и при императорах. Он был щедр на дары и раздачу зерна, и хотя казну он застал опустошенной, его трудами она была восстановлена и наполнена»¹⁴. Теодорих наделяется чертами мудреца, которому народная молва приписывает авторство афоризмов: «Хотя он был неграмотен, он был, тем не менее, настолько мудрым, что

¹¹ Краткую характеристику основных архетипов юнгианской психологии см.: Зеленский. 2004.

¹² Excerpta Valesiana, pars posterior, 58–59.

¹³ «Это освященная временем архетипическая мечта о “Золотом веке” (или о Рае), где человечество наслаждается изобилием всего и вся под великим, справедливым и мудрым руководством вождя» (Юнг. 2006. С. 85).

¹⁴ Excerpta Valesiana, pars posterior, 59–60.

до сих пор некоторые из его высказываний считаются среди людей поговорками, и поэтому не трудно вспомнить некоторые из всего их множества. Он сказал, “тот у кого есть богатство, не сможет скрыть этого, как и тот, кто одержим демоном”, а также “бедный римлянин подражает готу, а богатый гот подражает римлянину”¹⁵.

Архетип Мудрого старца явно прослеживается в образе судьи, выносящего приговоры, сопоставимые по лаконичности с решениями библейского царя Соломона. Хронист пересказывает следующую фабулу, призванную проиллюстрировать мудрость короля: «Один человек умер, оставив жену и маленького сына, который не знал матери. Этот сын, еще младенцем, был взят от нее кем-то, отвезен в другую провинцию, и там вырос. Когда он стал юношей, он каким-то образом возвратился к своей матери, которая уже была помолвлена с другим человеком. Когда мать увидела своего сына, она обняла его, благодаря Бога за то, что снова увидела его, и он жил с ней в течение тридцати дней. Но когда вернулся человек, обрученный с матерью, и увидел юношу, он спросил, кто это такой. Она ответила, что это ее сын. Когда мужчина узнал о том, что это ее сын, он стал требовать возврата предбрачного дара и говорить: “Либо ты отрицаешь, что он твой сын, либо я точно покидаю это место”. Мать, попрекаемая нарушением брачного обета, стала отвергать своего сына, которого она сама прежде признала, говоря: “Покинь мой дом, юноша, поскольку я приняла тебя как странника”. Но он продолжал говорить, что он вернулся к своей матери и в дом своего отца. Что тут много говорить? Пока это продолжалось, сын подал жалобу на свою мать королю, который повелел ей предстать перед ним. И он сказал ей: “Женщина, твой сын подал на тебя жалобу. Что ты можешь сказать? Твой ли он сын, или нет?”. Она ответила: “Он не мой сын, но я приняла его как странника”. И когда сын женщины по порядку огласил все перед королем, тот снова спросил женщину: “Он твой сын или нет?” Она сказала: “Он не мой сын”. Король сказал ей: “Каково твое богатство, женщина?” Она ответила: “Почти в тысячу солидов”. И король провозгласил с клятвой, что он не сделает ее мужем никого, кроме этого молодого человека, и что она не получит никакого иного мужа. Женщина была обескуражена и призналась, что юноша её сын. Помимо этих историй есть и многие другие»¹⁶.

Еще одной составляющей образа короля Теодориха являются черты праведника, опекающего католическую церковь и римские традиции,

¹⁵ Excerpta Valesiana, pars posterior, 61.

¹⁶ Excerpta Valesiana, pars posterior, 62.

на что указывает описание его посещения Рима и встречи с римским папой Симмахом: «После того, как мир был заключен в городе Церкви, король Теодорих вошел в Рим и почтил Святого Петра с таким уважением, словно сам был католиком. Папа Симмах, и весь сенат и народ Рима, среди общего ликования встретил его за городом. Затем, приближаясь к Риму и входя в него, он появился в сенате, и обратился к народу в Пальмах, обещая, что с Божьей помощью он будет хранить ненарушенным все, что провозгласили прежние римские императоры»¹⁷. Несмотря на то, что итог правления Теодориха в свете данной хроники омрачен конфликтом с представителями христианской конфессии, образ Теодориха как основателя королевства свободен от негативных характеристик, связанных с его принадлежностью к арианской ереси.

Наиболее ярко в образе Теодориха выражены именно черты покровителя своего народа, обеспечивающего такое процветание страны, которое приобретает характерные черты упомянутого архетипа «Золотого века»: «Беднякам города он выдавал каждый год сто двадцать тысяч мер зерна, и для восстановления дворца и реконструкции стен города он повелел каждый год выдавать двести либр из хранилища винного налога... И он настолько заслужил расположение соседних народов, что они предлагали ему заключение союзов, в надежде, что он станет их королем. В самом деле, купцы стекались к нему из разных провинций. При нем был такой порядок, что если кто-либо желал оставить в поле свое серебро или золото, то это было так же безопасно, как если бы происходило в стенах города. И он установил такое правило по всей Италии, чтобы никакой город не устанавливал ворота. А там, где уже были ворота, они никогда не закрывались. И каждый мог вести свое дело в тот час, когда хотел, как если бы это было днем. В его времена шестьдесят мер зерна покупались за один солид, и тридцать амфор вина за один солид»¹⁸.

Сходные образы обнаруживаются, например, в тексте «Младшей Эдды», при описании правления легендарного конунга Фроди: «Так как Фроди был самым могущественным конунгом в северных странах, считают, что это он водворил мир во всех землях, где говорят по-датски, и люди на севере называют это миром Фроди. Тогда никто не чинил зла другому, даже повстречав убийцу отца или брата, на свободе или связанным. Не было тогда ни воров, ни грабителей, так что одно золотое кольцо долго лежало на Ялангрсхейд-поле»¹⁹.

¹⁷ Excerpta Valesiana, pars posterior, 65.

¹⁸ Excerpta Valesiana, pars posterior, 72–73.

¹⁹ Младшая Эдда. 1994. С. 142.

Сопоставимые описания «Золотого века» встречаются и у других раннесредневековых авторов, в частности, Беда Достопочтенного и Павла Диакона. Нортумбрия эпохи правления Эдвина описывается Бедой как идеальное христианское королевство: «Говорят, что в то время в Британии – вернее в той ее части, которой владел король Эдвин, – царил такой мир, что женщина с грудным младенцем на руках могла пройти через весь остров от моря до моря безо всякого вреда для себя. Этот король так заботился о благе своего народа, что велел установить на дорогах возле источников с чистой водой столбы и повесить на них медные кубки для утоления жажды путников. Никто не смел уносить их или использовать не по назначению – не из страха, но из любви к королю»²⁰.

Характеристика королевства лангобардов в Италии Павлом Диаконом также содержит в своей основе элементы мифа о «Золотом веке»: «Это было поистине удивительно в королевстве лангобардов: в нем не было никакого насилия, не замышлялся никакой тайный заговор, никого несправедливым образом не принуждали к повинности, никого не грабили; не было ни воровства, ни грабежей, и каждый мог спокойно и без страха идти, куда ему угодно». Весьма характерно, что подобные модели не воспринимались германцами как утопические, что прослеживается на примере кодекса короля Альфреда, в котором нормы закона Моисея устанавливаются как имеющие прямое действие²¹.

Резкий контраст с образом «Золотого века» представляет описание последних лет правления Теодориха, которые охарактеризованы как результат козней дьявола, похищающего этого великого человека для своих целей: «Вскоре после этого дьявол нашел, каким образом похитить человека, который правил государством хорошо и без недовольства подданных»²². Описываемое автором преследование представителей ортодоксальной церкви ставит Теодориха в положение врага христианской веры: «Тогда король, после своего возвращения в Равенну, действовал более не как друг Господа, но как враг Его закона»²³.

Метаморфозы мифологических архетипов, лежащих в основе формируемого в хронике образа короля Теодориха, указывают на крайне противоречивый характер источника. Если в первой половине произведения доминирует архетип Отца (мифологическая фигура Защитника), то во второй части, очевидно, довлеет архетип Тени, выраженный в об-

²⁰ Беда Достопочтенный. 2001. С. 67.

²¹ См.: Санников. 2009.

²² Excerpta Valesiana, pars posterior, XIV.

²³ Excerpta Valesiana, pars posterior, XV.

разе дьявола, похищающего душу короля Теодориха²⁴. Наличие противоречивых характеристик и составляющих образа Теодориха объясняется, по всей видимости, участием нескольких авторов в работе над формированием текста хроники, либо компиляцией различных источников в процессе работы одного автора²⁵.

Описание жизни и правления короля Италии завершается свидетельством о том, что Бог «наложил на Теодориха то же наказание, которое понес и Арий, основатель его религии. Король был поражен диареей, и после трех дней разверзшегося чрева утратил свой трон и саму жизнь в тот день, на который он планировал нападение на церкви»²⁶.

В средневековой историографической традиции неоднократно встречается описание смертей еретиков от диареи, которая, согласно свидетельству некоторых авторов, постигла ересиарха Ария²⁷. Связь смерти человека с нечистотами, по-видимому, также имела в средневековой культуре семиотическое значение, обусловленное бинарной оппозицией категорий «мироздания» (*mundus*) и «нечистот» (*immundus*)²⁸. Описание позорной смерти Теодориха, таким образом, завершает картину бесславного окончания его жизни, содержа имплицитное указание на борьбу с христианской религией как причину утраты королем жизни и королевской власти.

Подводя итоги проведенного анализа образов королей Одоакра и Теодориха, представленных в хронике Анонима Вalezия, можно сделать вывод о том, что в своей основе данные образы восходят к архетипам коллективного бессознательного, обозначаемым в аналитической психологии как архетипы Героя, Отца, Мудрого Старца, Тени. Рассматриваемые архетипы имеют архаическое происхождение, уходя своими корнями в «детство» человечества – период, когда формировалась потестарная мифология – сфера мифологических представлений о правлении богов среди людей²⁹. Данные представления получают завершенное выражение в мифе о «Золотом веке», определенные вариации которого транслируются и в средневековую политическую мифологию.

²⁴ «Дьявол есть вариант архетипа Тени, т.е. опасного аспекта непризнанной, темной половины человека» (*Юнг*. 1994. С.101).

²⁵ См. подробнее: *Barnish*. 1983. P. 572; *Adams*. 1976.

²⁶ *Excerpta Valesiana, pars posterior*, XVI.

²⁷ Данная трактовка встречается в произведениях Сократа Схоластика, Руфина, Григория Турского, Виктора Тонненского (см. библиографию в конце статьи).

²⁸ См. подробнее: *Дугин*. Постфилософия. [Электронный ресурс].

²⁹ См. подробнее: *Санников*. 2011. С. 31–41.

Выполненное исследование показывает, что даже при высоком уровне изученности фактической стороны содержания исторического источника, представленные в нем сведения имеют большую ценность с точки зрения постижения ментальности, изучения категорий коллективного бессознательного и понимания природы мифологического сознания. Это подтверждает тезис М. Блока о том, что «исторический источник в принципе неисчерпаем, – его познавательные возможности зависят от способности историков вопрошать их по-новому, подходить к ним с тех сторон, с которых ранее их не изучали»³⁰.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аноним Валезия*. Извлечения. Пер. с лат. В.М. Тюленева // *Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты)*. Отв. ред. И.В. Кривушин. Иваново, 2000. С. 176–193.
- Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англос / Пер. с лат. и комментарии В. В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2001. 363 с.
- Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 178 с.
- Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007. 335 с.
- Буданова В.П.* Варвары в представлении «Анонима Валезия» // *Культура и общественная мысль*. М., 1988. С. 57–64.
- Виктор Тонненский*. Хроникон Виктора / Пер. с лат. Д. Суруленкова. 2009. [Электр. ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Victor_Tonnenensis/frametext.htm (дата обращения: 17.12.2013)
- Григорий Турский*. История франков / Отв. ред. В. Д. Савукова. М.: Наука, 1987. 464 с.
- Дугин А.Г.* Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. [Электр. ресурс]. URL: <http://www.platonizm.ru/book/export/html/124> (дата обращения: 17.12.2013)
- Житие святого Северина. Пер. А.И. Донченко. Петербург: Алетейя, 1998. 267 с.
- Зеленский В.В.* Базовый курс аналитической психологии, или Юнгианский бревиарий. М.: Когито–Центр, 2004. 256 с.
- Козлов А.С.* Социальный аспект информации «Анонима Валезия» // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2011. Вып. 40. С. 40–59.
- Кэмбелл Дж.* Тысячеликий герой. Киев: Рефл–бук, 1997. 384 с.
- Младшая Эдда / Изд. подгот. О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин–Каменский. М.: Ладомир, 1994. 256 с.
- Руфин Аквилейский*. Церковная история // Тюленев В. М. Рождение латинской христианской историографии. С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб.: Изд-во Олега Абышко. 2005. С. 230–284.
- Санников С.В.* Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века. Новосибирск: НГТУ, 2011. 212 с.
- Санников С.В.* Перевод пролога к кодексу короля Альфреда // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. Том 8. Выпуск 1: История. Новосибирск, 2009. С.205 – 209.

³⁰ Блок. 1986. С. 204.

Сократ Схоластик. Церковная история / Пер. СПбДА под ред. И.В. Кривушина. М.: РОССПЭН, 1996. 368 с.

Юнг К. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994. 320 с.

Юнг К.Г. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 2006. 352 с.

Adams J.N. The Text and Language of a Vulgar Latin Chronicle (Anonymus Valesianus II). BICS Suppl. 36. London, 1976. Pp. xxv + 189 S.

Barnish S.J.B. The Anonymus Valesianus II as a Source for the Last Years of Theoderic. // Latomus 42, 1983, S. 572–596.

Excerpta Valesiana. [I. Origo Constantini imperatoris. II. Theodericana.] Recensuit Jacques Moreau. Lipsiae: B. G. Teubner, 1961. XX + 33 S.

Goltz A. Barbar – König – Tyrann. Das Bild Theoderichs des Großen in der Überlieferung des 5. bis 9. Jahrhunderts. Berlin–New York, 2008. 698 S.

Санников Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории Новосибирского национального исследовательского государственного университета, sannikov_s@ngs.ru